

*Дльба-Маре:
свет, рождённый морем*

*Книга вторая
Восточный ветер*

Дмитрий Иванов

Дмитрий Иванов

**Альба-Маре: свет,
рождённый морем. Книга
вторая - Восточный ветер**

«Автор»

2026

Иванов Д. Ю.

Альба-Маре: свет, рождённый морем. Книга вторая - Восточный ветер / Д. Ю. Иванов — «Автор», 2026

Альба-Маре: свет, рождённый морем. Вторая книга «Восточный ветер» — история о взрослении не через громкие победы, а через умение идти дальше, когда всё, что было опорой, рассыпалось в прах. Август Фьорд оставляет позади северные снега и устремляется на восток — через пустыни, портовые города и бескрайнее море, где каждая встреча становится новым испытанием. На этом пути он заново учится различать, что по-настоящему важно, и понимает: зрелость — в способности двигаться вперёд, даже когда земля уходит из под ног.

© Иванов Д. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Берег, где осталась зима	5
Глава 2. Дорога на восток	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дмитрий Иванов

Альба-Маре: свет, рождённый морем.

Книга вторая - Восточный ветер

Глава 1. Берег, где осталась зима

Уходил на рассвете. Снег ещё лежал плотным слоем, но в воздухе уже чувствовалось дыхание весны — лёгкое, едва уловимое, как обещание, которое пока не решается прозвучать вслух.

Прошло почти пять лет с того дня, как бежал из горящего города. Четыре с половиной года — если считать точно. Время не лечило, но меняло. Не залечивало раны — покрывало их новой кожей, делало частью себя, как дерево обрастает корой там, где когда-то была свежая царапина.

Почти год странствовал по южным землям и морям — от Альба-Маре до Вистарии, от Греймута до Морского Утёса, от Виндхольма до портов восточного побережья. А затем — три года на восточном Севере, среди хеймрингов и хельвингов. Выучил их язык, их песни, их обычаи. Стал своим — настолько, насколько чужак может стать своим в чужой земле.

Мать, которую нашёл и оставил. Арно, который дал мудрость. Лис, которая показала, что даже в чужом городе можно найти тепло. Мира, чей поцелуй застал врасплох.

Всё это осталось позади. Не стёрлось, не забылось — просто легло слоями, как снег на скалах: каждый слой был настоящим, но верхний всегда накрывал нижний. И так должно было быть.

Изменился. Не только внутри — внешне. Когда бежал из Альба-Маре, было двадцать четыре. Юноша с гладким лицом, чистыми руками и мягким взглядом, в котором ещё теплилась надежда, похожая на огонёк свечи в открытом окне. Теперь почти тридцать. Лицо покрывала густая, тёмная борода, в которой уже пробивалась седина — не от старости, а от северных ветров, от бессонных ночей у костра, от соли, оседающей на коже после долгих переходов. Глаза стали глубже, резче — в них больше не было растерянности. Только спокойная, внимательная сила человека, который научился ждать и видеть. Тот, кто когда-то боялся тишины, теперь сам стал её частью.

Руки, когда-то гладкие, теперь были покрыты шрамами и татуировками. Тонкие синие линии тянулись вдоль предплечий — узоры, полученные от хельвингов: символы ветра, моря и выживания. На правой руке, чуть выше запястья, был выбит силуэт волны — татуировка, которую сделал шаман перед самым уходом. «Это чтобы ты помнил, что вода не враг, — сказал он. — Она тебя не утопит, если ты умеешь дышать с ней в такт». На левом плече — два перекрещённых копья, знак принадлежности к восточным охотникам. Не просил его. Получил, когда впервые убил северного зверя в одиночку, и Бьорн молча кивнул, увидев следы на снегу, — это было больше любого поздравления.

Стал крепче. Шире в плечах, тяжелее в походке. Движения — неторопливые, но точные, без лишних жестов, без суеты. Тишина, которая когда-то была убежищем, а потом привычкой, теперь стала естественным состоянием. Не искал её и не избегал. Она просто была — как дыхание, как ветер, как шаг.

Август стоял на берегу, глядя на горизонт. Ветер касался лица, и внутри разливалось спокойствие — не от уверенности, а от свободы. Свободы, которая приходит не тогда, когда тебе нечего терять, а тогда, когда ты знаешь, что всё, что имел, уже стало частью тебя, и его нельзя отнять.

Обернулся. Последний раз посмотрел на землю, где провёл три зимы. Там остались люди, которые стали почти родными. Бьорн, который учил его ходить по снегу и молчать, когда слова лишние. Сигне, которая поставила перед ним первую кружку горячего чая. Дети, которые бегали по селению с палками, изображая охотников, а потом стояли у домов и смотрели, как он уходит. Там осталась часть его самого — та, которая научилась дышать холодом и не вздрагивать.

Но знал: это не навсегда. Север останется в нём. В языке, в песнях, в узорах на коже. В том, как дышит морозным воздухом и не щурится. В том, как слушает тишину и слышит в ней не пустоту, а голос.

Повернулся к востоку.

Гитара легла на плечо. Шаг вперёд — не на юг, не на север, а на восток. Туда, где начинались земли, которых никогда не видел.

Глава 2. Дорога на восток

Уходил в тишине. Снег скрипел под ногами, и этот звук был единственным, что нарушало утренний покой. За спиной оставалось селение, где прожил три зимы. Не оборачивался — уже попрощался. По-настоящему, не словами, а тем, как принял решение.

Перед дорогой заходил к Ульрику в Торговый Посёлок. Ульрик держал лавку у самого тракта — небольшую, но надёжную, как и сам её хозяин. Его знали все: он не обманывал, не торопился и умел хранить не только товары, но и чужие секреты.

Август снял с плеча вещьмешок, достал рукопись старейшины и положил на стол. Толстые страницы, тёмная кожа обложки, серебряная застёжка, которая уже чуть потускнела от времени. Книга казалась тяжелее, чем была на самом деле.

— Хочу попросить об одной вещи, — сказал Август. — Возьми её на хранение.

Ульрик поднял глаза от счётов. Он не потянулся сразу к книге — он смотрел на Августа, будто пытался понять, что стоит за этой просьбой.

— Это не просто книга, — добавил Август. — Это летопись. Сказки, обычаи, приметы. Память о том, как живут на севере.

— Ты боишься, что её украдут? — спросил Ульрик, чуть наклонив голову.

— Боюсь, что сам перестану её слышать, — тихо ответил Август. — Если она будет со мной, я стану искать в ней ответы на каждый шаг. А мне нужно искать их самому. Там, куда иду, северные сказки не помогут. Помогут только руки и то, чему я уже научился.

Ульрик осторожно взял рукопись, провёл пальцем по тиснению на обложке, будто проверяя, настоящая ли она.

— Будет здесь, — сказал он спокойно. — В моём шкафу, за замком. Никто не тронет.

— Обещаю вернуться за ней, — кивнул Август.

— Не пропадай надолго, — добавил Ульрик, возвращаясь к своим счётам, но в голосе его звучало что-то тёплое, почти отцовское.

Теперь Август шёл налегке: с собой были только его опыт, гитара, меч отца и память, которая уже жила внутри, а не на страницах. Северные сказки остались в надёжных руках и ждали его возвращения.

Дорога уходила на юговосток, в сторону, где земля постепенно менялась, а воздух становился мягче. Шаг был неторопливым, но уверенным — тот самый, что не сбивается ни за день, ни за неделю. Тело привыкло к ритму: утро, переход, короткий привал, снова переход, вечерний костёр. Оно само знало, когда остановиться, когда ускориться, когда просто стоять и слушать ветер.

Первый день — лёгкий. Второй — тоже. Земля менялась: снег становился тоньше, камни — острее, воздух — суше. Перевалы, замёрзшие ручьи, гребни, где ветер сбивал с ног. Но умел идти против ветра — научился этому на Севере. Бьорн когда-то показал: не наклоняйся вперёд, вцепляясь в воздух, а встань прямо и дай ветру обтекать тебя, как воду. Работало.

На третий день вышел к старому каменному столбу. На одной стороне — снег, скалы, холод. На другой — начиналась тундра. Голая, тёмная, влажная. Запах земли, а не льда.

Остановился у столба, провёл пальцами по поверхности. Камень — шершавый, холодный, но не ледяной. Руны — те же, что и на Севере. Август не знал, что они значили. Чувствовал: это граница. Не между землями — м этапами.

Перешагнул.

Земля под ногами стала мягче, податливее. Снег исчез, уступив место мху, камням и редкой, низкой траве. Ветер стал другим — влажным, тёплым. Пах морем и землёй, смешанными вместе. Замер на мгновение, вдыхая этот воздух. Он не был южным и не был северным. Был каким-то новым.

Нашёл плоский камень у небольшого ручья, аккуратно положил кожаный чехол с гитарой и присел рядом. Снял верхний меховой плащ — тяжёлый, пропахший дымом и снегом, — и аккуратно свернул его, закрепив ремнями на вещьмешке. Сделал глоток воды из бурдюка, размял затёкшие плечи. Тело было в порядке — привыкло к долгой дороге. Сидел и смотрел по сторонам. Всё было другим. Не просто иным — другим по своей сути.

Здесь не было скал, нависающих над тропой. Не было вечного снега. Вместо этого — бескрайняя, волнистая земля, покрытая мхом и низкой порослью, с редкими камнями, торчащими из неё, как зубы старого зверя. Небо — не серое, а глубокое, синее, с облаками, которые не ползли, а плыли.

Здесь не было дороги. В том смысле, в котором привык: накатанной, утоптанной телегами. Только тропы — звериные, старые, едва заметные. Шёл по ним, потому что знал: они ведут к воде. А вода ведёт к людям. Но людей пока не видел. Только дым вдалеке. Только следы. Только тишину, которая не давила — она просто была. Как пространство, которое не требует объяснений.

Посидел ещё немного, слушая, как течёт ручей. Потом поднялся, затянул ремни, поправил гитару и шагнул дальше.

Через семь дней после того, как пересёк границу, впервые увидел лес. Настоящий лес — высокие деревья, густая тень, запах влажной земли и гниющих листьев. На Севере деревья были низкими, скрученными ветрами, похожими на стариков, которые столько раз согнулись под ударами, что уже не могли разогнуться. Здесь они стояли прямо, спокойно, будто им никогда не угрожал мороз. Войдя, деревья сомкнулись над головой, и свет стал мягче, зеленее. Трава — высокая, влажная — касалась сапог, оставляя следы на коже. Шёл по едва заметной тропе, слушая лес. Не искал опасность или укрытие — просто слушал, как учили его на Севере: не ушами, а всем телом.

К исходу дня нашёл место у лесного ручья — небольшого, но быстрого, с чистой, холодной водой. Сбросил снаряжение и сел на берег. Припасы кончились два дня назад — осталось несколько сухарей, которые растягивал, и кусок вяленого мяса, который бережно нёс. Вода была, но сил становилось меньше. Знал: нужно остановиться.

Снял одежду, оставив её на камне, и вошёл в ручей. Вода обожгла холодом, но не вздрогнул — Север научил не бояться холода. Умылся, смывая с лица дорожную пыль, чувствуя, как прохлада проникает под кожу, бодрит, возвращает ясность. Выйдя на берег, сел на нагретый солнцем камень и долго сидел, глядя, как вода течёт между пальцами. Когда кожа обсохла под мягкими лучами, Август оделся, собрал хворост — который валялся здесь почти повсюду — и развёл костёр.

Долго сидел у огня, всматриваясь в языки пламени. Слушая лес. Вокруг было тихо — только ручей и лёгкий ветерок в кронах.

Внезапный шелест листьев неподалёку насторожил. Привстав, уже был готов обнажить клинок — рука легла на рукоять прежде, чем глаза нашли источник звука. Так научился на Севере: сначала тело, потом мысль.

Олень. На противоположном берегу — большой, с ветвистыми рогами, с шерстью, отливающей медью в закатном свете. Замер, заметив человека. Не шевелился, смотрел на него. Август чувствовал, как внутри поднимается спокойствие — не от жалости, а от понимания. Легко мог бы убить его. Мог бы. Но олень был слишком большой для одного. Даже если излишки завалить — слишком большая ноша, которая замедлит путь. Север научил не брать лишнего, не брать то, что не унесёшь. Не убивать того, чья жизнь не станет едой. Бьорн говорил: «Каждый зверь, которого ты убил и не съел, — это долг, который ты отдашь зимой, когда еды не хватит».

Олень так же внезапно скрылся в чаще, как и появился. Не пожалел. Только улыбнулся — не широко, одними уголками губ — и вернулся к костру.

Через час заметил зайцев. Несколько — у старого пня, недалеко от ручья. Они были мелкими, шустрыми, но знал, как подойти к ним тихо. Вытащил нож, подаренный Бьорном ещё на Севере, — хороший, крепкий, с рукоятью из кости лося и лезвием из тёмного металла. Не часто доставал его, но помнил, как тот впервые лёг в руку. Бьорн тогда сказал: «Это не для боя. Это для жизни». Держал его в руке и чувствовал знакомую тяжесть — тяжесть вещи, которая стала продолжением ладони.

Убил двух зайцев — быстро, без лишних движений. Без муки. Север научил этому тоже: убивать чисто, уважая добычу, не затягивая чужую боль. Теперь было мясо.

Вернулся к костру, разделал одного, насадил на прут, сделанный из свежей ветви, и начал жарить. Второго — аккуратно разделал на тонкие полосы, чтобы завялить. Пока мясо готовилось, занялся шкурами. Снял их аккуратно, зачистил от остатков плоти, промыл в ручье и связал вместе кусочком льняной верёвки, которую носил с собой в вещьмешке.

Утром, когда соберётся, повесит их на ремень — пригодятся. Для одежды, для тепла, для чегото ещё.

Ужинал у костра, глядя на огонь, чувствуя, как силы возвращаются. Мясо было горячим, жирным, пахло дымом и травами. Ел медленно, смакуя. Не потому что голоден — потому что умел ценить. Север научил и этому: каждый кусок еды — это победа над пустотой, и к ней нужно относиться с уважением.

Ночью спал у костра, завернувшись в плащ. Лес не был чужим. Он дышал ровно, как дыхание старого друга. Не того, которого знаешь давно, а того, которого только начинаешь узнавать, — но уже чувствуешь, что он не причинит зла.

На утро продолжил путь. Не взял лишнего. Взял только то, что мог унести. Так научился на Севере, где каждый лишний грамм — это шаг, который мог стать последним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.